

III. Богатыри с Невы

Валерий Мершавка
Цикл статей «Лишние люди»

Герой Нашего Времени... — это портрет, составленный из пороков нашего поколения, в полном их развитии.

— М.Ю. Лермонтов. "Герой нашего времени"

Часть I. Здравствуй, страна "героев"...

...старайтесь смотреть на меня, как на пациента, одержимого болезнью, вам еще неизвестной, — и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени...

— М.Ю. Лермонтов. "Герой нашего времени"

Эту статью я начну, как обычно, с расшифровки фамилий и некоторых имен основных действующих лиц, которые помогут нам понять скрытый психологический контекст или психологический смысл их поступков. Но в отличие от предыдущих статей, здесь фамилии могут иметь не только знаковый, но и символический смысл, а символы, как известно, связаны с глубинными слоями психики, а потому оказывают на нас более глубокое психологическое воздействие. В таком случае наша задача заключается в том, чтобы осознать это воздействие и ощутить его психологическую силу. Эта сторона психологического анализа очень важна не только с точки зрения психологии, но и точки зрения литературы, потому что позволяет нам убедиться в том, что в русскую литературу символизм не вломился демонстративно и по-декадентски вместе с поэтами-символистами (нечто подобное наблюдается и в современной культуре, только пошлого эпатажа стало гораздо больше), а появился вполне уместно, практически совсем незаметно, а потому — благородно **в прозе*** одного из гениальных русских поэтов почти на целый век раньше. На этом, наверное, я закончу говорить о символизме **вообще**, а несколько позже постараюсь конкретно показать его функцию. Глубже эту интересную тему можно будет развить где-то еще, например, в процессе психологического анализа **комедии** А.П. Чехова "Чайка".

Завершая это вступление я хочу оговориться, что кроме фамилий действующих лиц, в нашем словаре имеется слово "герой", с которого начинается название книги и которое, как мы увидим, является одним из ключевых, а значит, его значение поможет нам поглубже посмотреть и на "действующих лиц" (в полном смысле слова), и на "исполнителей", и даже на "лиц второго плана" и в особенности на так называемых "проходных" персонажей.

Герой (ήρωας) — в греческой мифологии сын или потомок божества и смертного человека. Впервые Гесиод называет род героев, созданный Зевсом, "родом героев". Современные этимологи дают различные толкования этого слова, выделяя функцию защиты и покровительства, а

* Здесь и далее выделено мной. — В.М.

также сближая его смысл с именем богини Геры (Нра), супруги и сестры Зевса; ее имя означает "охранительница", "госпожа".¹

Грушницкий — фамилия, смысл которой в книге явно многозначен. С одной стороны, она может являться производной от немецких слов *Gruß* (привет), *grüßen* (здороваться). Вспомним, как происходит их первая встреча: Печорин слышит за спиной знакомый голос: "Печорин! Давно ли здесь? Оборачиваюсь: Грушницкий! Мы обнялись".² То есть, оборачиваюсь: "Здравствуйте! — Грушницкий". Но, как мы знаем, Грушницкий (т.е. "желающий здоровья") погибает на дуэли от руки Печорина, причем перед смертью, когда Печорин обращается к нему: "Грушницкий!... тебе не удалось меня подурочить, и мое самолюбие удовлетворено; Вспомни, ведь мы были когда-то друзьями...", тот отвечает: "Стреляйте... Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла..."³ Какой страшный крик "здравствуй" в смысле "прощай". И на этой игре в "долгое прощание" в основном держится напряжение повествования. Второе прочтение этой фамилии является практически прямым: "Груш-ниц-кий", т.е. груша, падающая вниз⁴, что, собственно, и произошло на дуэли. На возможность и первой, и второй трактовки этой фамилии указывает следующая деталь:

Вчера приехал фокусник (акробат, химик и оптик) *Апфельбаум**... В восемь часов пошел я смотреть фокусника... Грушницкий сидел в первом ряду с лорнетом. Фокусник обращался к нему всякий раз, как ему нужен был носовой платок, часы, кольцо и прочее.⁵

Если не обращать внимания на фамилию фокусника, то в этом тексте нет ничего особенного. Но Лермонтов выделяет ее курсивом, заставляя вдумчивого читателя **обратить на нее внимание**. В переводе с **немецкого** (опять же) языка слово Апфельбаум означает "яблоня". Итак, незначительный эпизод с "фокусником, химиком и оптиком" по фамилии "Яблоня", который создает иллюзию, мистификацию, **пользуясь** вещами человека с фамилией, означающей "Падающая груша". Любой психолог увидит наличие здесь ассоциативной связи. Параллельно драгунский капитан со товарищи **пользуются** Грушницким, чтобы создать интригу с целью опозорить Печорина, которая должна превратиться в "мистификацию". Но об этой "мистификации" тому становится известно заранее:

А! Господин Грушницкий! Ваша мистификация вам не удастся... мы поменяемся ролями: теперь мне придется отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного страха.⁶

¹ Мифы народов мира. Энциклопедия, т. 1 с. 294, М., СЭ, 1991.

² М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", Избр. собр. соч. в 2-х т., т. 2. с.416, М. Худ. Лит., 1963.

³ Там же, с. 476.

⁴ Ниц — "касаюсь лбом земли, книзу". С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М. 1963.

* Выделено М.Ю. Лермонтовым.

⁵ Там же, с. 462.

⁶ Там же, с. 467.

И тогда Грушницкий становится "Грушницким" — падающей с утеса грушей. Иллюзия окончена:

Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было. Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва... "Комедия окончена!" — сказал я доктору.⁷

Вот такая сложная и жуткая метафора. Я готов согласиться, что она может быть весьма спорной, но от своих оппонентов жду ответов на вопросы: почему Лермонтов ввел проходящую фигуру фокусника с фамилией "Яблоня" на немецком языке и, самое главное, почему только ее одну он выделил курсивом (но при этом не выделил, например, немецкую фамилию Вернер)?

Григорий Александрович Печорин — казалось бы, фамилия взята по некой аналогии с известными героями романа Пушкина "Евгений Онегин", а именно — Онегиным и Ленским. И Онегин, и Ленский, и Печорин — фамилии, производные от названий русских северных рек: Онеги, Лены, Печоры. Но тогда встает вопрос: наверное, в этом списке должен быть и Грушницкий, а он явно из него выпадает. Почему? Дело в том, что, как мы сейчас увидим, фамилия Печорин к Печоре не имеет никакого отношения, здесь имеет место простое созвучие. Обратившись к эпиграфу и к нашей гипотезе появления в книге фамилии Грушницкий, мы увидим: все гораздо печальнее и страшнее. Дело в том, что скорее всего эта фамилия тоже "говорящая" и образована от французских слов *peche* (грех) и *pecheur* (грешник), что в общем-то подтверждается рассказом о себе самого Печорина. Таким образом, на метафорическом языке встреча Грушницкого с Печориным звучала бы приблизительно так: "Здравствуй, грешник!".

И это значение приобретает гораздо более широкий и, как мы сейчас убедимся, символический смысл, если снова вспомнить о фокуснике с немецкой фамилией Апфельбаум ("Яблоня"). Как известно, яблоня — это символическое дерево в раю, на котором росли яблоки, плоды познания добра и зла. Вкусив такое яблоко, Адам и Ева совершили **грехопадение** и были изгнаны из Эдема. **"Грешник"** Печорин после **"падения** груши" (символического "вкушения" плода своих и чужих мистификаций) был "изгнан" из светского Эдема, т.е. сослан служить в крепость N. Такая интерпретация, как любая символическая интерпретация вообще, может показаться слишком спорной и отвлеченной (например, по сравнению с клиническими интерпретациями), но, повторяю, я готов от нее отказаться, как только услышу более убедительные аргументы в пользу появления в книге "проходной" фигуры фокусника Апфельбаума.

Печорина зовут Григорий, т.е. "бодрствующий", "неспящий". Он действительно очень внимательно следит за всеми нюансами игры, в которую включился "от скуки". Позже мы рассмотрим это весьма характерное поведение с клинической точки зрения. А сейчас просто вспомним, что в самых важных эпизодах, в которых встают и решаются вопросы жизни и смерти, Печорин действительно практически не спал:

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами... Первое было грусть. **За что они все меня так ненавидят?** — думал я — за что? **Обидел ли я кого-нибудь?** Нет. **Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один**

⁷ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 476.

вид уже порождает недоброжелательство? И я чувствовал, что ядовитая злость мало-помалу наполняла мою душу. «Берегитесь, господин Грушницкий! — говорил я, прохаживаясь взад и вперед по комнате. — Со мной этак не шутят. **Вы дорого можете заплатить за одобрение шуток ваших глупых товарищей.** Я вам не игрушка!...»

Я не спал всю ночь. К утру я был желт, как померанец.⁸

К этому эпизоду мы обязательно еще вернемся, когда будем детально исследовать мотивации и поведение Печорина. А пока отметим еще один важный эпизод, прямо перед дуэлью.

Два часа ночи... **не спится...** А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала. Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно... Я помню, что **в продолжении ночи, предшествующей поединку, я не спал не минуты.** Писать я не мог долго: тайное беспокойство мною овладело. С час я ходил по комнате; потом сел и открыл роман Вальтера Скотта, лежавший у меня на столе: то были "Шотландские пуритане"; я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом...⁹

Жутковато, конечно, но это еще не все. Давайте, наконец, вспомним, **о княжне Мери.**

Обратим внимание на то, что ее имя пишется не Мэри (обычный перевод на русский язык английского имени *Mary*), а **Мери**, которое скорее является производным от английского слова *merry* (забава), и эта коннотация вполне вписывается в канву романа. Разве княжна Мери с первого "приветствия" не "забавляла" Печорина-"грешника"? Да именно так оно и было. Но насколько это было жутко, мы увидим чуть позже, хотя об этом можно догадаться и сейчас.

Нам осталось расшифровать всего три имени.

Княгиня Лиговская. Лигово тогда было *пригородом* Петербурга. Сейчас — это часть города Санкт-Петербурга. Если мы припомним, что княгиня с дочерью были москвичками, можно себе представить, что отношение петербургского света (т.е. "света" нашей неизменной "культурной" столицы) к москвичам было (в чем-то, похоже, и остается) сродни отношению к провинциалам. Разумеется, в этом есть немалая доля нездорового нарциссизма (чего стоит один титул "северная столица"). Отсюда нескрываемая зависть к москвичкам, которые к тому же "читают по-английски" (опять же, *merry*) и знают алгебру".¹⁰ А в Петербурге, похоже, и с английским, и с алгеброй до сих пор есть проблемы, и не только у "светских" барышень. По-прежнему, нет проблем только с нарциссизмом. Бедный всадник!

Доктор Вернер. В переводе с французского языка слово *verni* означает "лакировать", "приукрашивать", слово *vernier* — нониус, точный указатель, в переводе с немецкого языка слово *verneinen* значит "отрицать". Читатель без труда увидит, что доктор Вернер как раз всем этим и занимался. То есть Вернер выполнял для Печорина почти такую же

⁸ Там же, с. 460.

⁹ Там же, сс. 467-468.

¹⁰ Там же, с. 425.

функцию, как Грушницкий для фокусника Апфельбаума. Но давайте предоставим слово Лермонтову:

Вернер человек замечательный... Он скептик и матерьялист, как все почти медики, а вместе с тем поэт, и не на шутку — поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов. **Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться этим знанием...** Он был беден, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы и лишнего шага... **У него был злой язык...**

Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой...

Вернер был мал ростом, и худ и слаб, как ребенок, одна нога у него была короче другой... в сравнении с туловищем голова его казалось огромна... В его одежде были заметны вкус и опрятность; его худощавые, жилистые и маленькие руки красовались в светло-желтых перчатках. Его сюртук, галстук и жилет были постоянно черного цвета. Молодежь прозвала его Мефистофелем... Мы друг друга скоро поняли и сделались приятелями, потому что я к дружбе неспособен: из двух друзей всегда один раб другого... рабом я быть не могу, а повелевать в данном случае — труд утомительный, потому что надо вместе с эти и обманывать...¹¹

Здесь стоит обратить внимание хотя бы на два обстоятельства. Первое, что Вернер "изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа...". Здесь мне вспоминается психопатический врач Базаров, который при избытке подавленных чувств представлял тело любимой женщины в анатомическом театре. Возможно, Вернер, — это один из "базаровых", переживших свою молодость и не умерших от тифа, может быть, потому что, в отличие от Евгения Васильевича, он не снимал своих светло-желтых перчаток. И так же, как Базаров, он "...никогда не умел воспользоваться этим знанием..." Зато это умел Печорин, который, как мы знаем, прекрасно умел пользоваться и людьми, и их знаниями. Второе обстоятельство: лукавство Печорина, которое нам встретится еще не раз: "...мы скоро сделались приятелями, потому что я к дружбе неспособен: из двух друзей всегда один раб другого... рабом я быть не могу, а повелевать в данном случае — труд утомительный, потому что надо вместе с эти и обманывать...". Григорий Александрович прав в том, что равноправных отношений **у него** быть не может по вполне понятным причинам, которые прояснятся очень скоро. А лукавит он в том, что повелевать и обманывать — для него утомительный труд. Повелевать и вместе с тем обманывать — значит манипулировать, и Печорин в совершенстве обладает искусством манипуляции и применяет его при малейшей необходимости.

Теперь давайте посмотрим на то, **как** Вернер впервые рассказывает Печорину о княгине Лиговской и ее дочери:

Она мне объявила, что дочь ее невинна, как голубь... Княгиня, кажется, не привыкла повелевать; она питает уважение к уму и знаниям дочки, которая читала Байрона по-английски и знает алгебру: в Москве, видно, барышни пустились в ученость и хорошо делают, право! Наши мужчины так не любезны вообще, что с ними кокетничать, должно быть, для умной женщины, несносно. Княгиня очень

¹¹ Там же, с. 422.

любит молодых людей; княжна смотрит на них с некоторым презрением: московская привычка! Они в Москве только и питаются, что сорокалетними остряками!¹²

Кое что из "доклада" "приятеля" Печорина я уже комментировал. Однако интересно последнее его злословие: "Они в Москве только и питаются, что сорокалетними остряками!" Вспомним, что Вернер сам писал злые эпиграммы, что он сам далеко не молод, что "наружность его поражает неприятно", при том, что "люди, подобные Вернеру, так страстно любят женщин", он до сих пор одинок, что он, будучи "матерьялистом", "мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы и лишнего шага, и, наконец, что он, по собственному признанию, имел в Москве "некоторую практику", и скорее всего не выдержал конкуренции с московскими врачами, которые, наверное тоже "пустились в ученость". Так что личность Вернера — это живое воплощение комплекса мужской зависти и неполноценности. А тогда его последние замечания, как и все его злословие, — это скорее всего, неизбежное отыгрывание собственной неполноценности. В Печорине он нашел подходящего "приятеля", которому может быть полезен, и старался изо всех сил, даже поняв, что фактически является соучастником убийства. Он рассказывал Печорину все, что тому было необходимо, помогая ему играть в любовь и смерть и, наконец: "все устроено как можно лучше; тело привезено обезображенное, пуля из груди вынута..."¹³ Кто же, как не доктор Вернер, мог все устроить "как можно лучше". Так что своими действиями он вполне оправдывает перевод своей фамилии и с французского и с немецкого языков.

И, наконец, **Вера**. Русское имя, значение которого определяется глаголом "верить". Вот что о ней говорит Печорин:

За что она меня так любит, право, не знаю... Тем более, что это одна женщина, которая поняла меня совершенно, со всеми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло так привлекательно?¹⁴

В отношении Веры к Печорину есть очень много и от отношения доброй, терпеливой мамы, и от любви безнадежно больной женщины. Но "грешник" играет и с ней:

Вера все это заметила (внимание Печорина к княжне): на ее болезненном лице изображалась глубокая грусть... Мне стало жаль ее...

Тогда я рассказал ей драматическую историю нашего знакомства с нею, прикрыв все это вымышленными именами.

Я так живо изобразил мою нежность, мое беспокойство, восторги; я в таком выгодном свете выставил ее поступки, характер, что она поневоле должна была простить мне мое кокетство с княжной.

Она встала, под села к нам, оживилась...¹⁵

А вот несколько отрывков из последнего письма Веры к Печорину:

Это письмо будет прощаньем и исповедью...ты поступил со мною, как поступил бы всякий другой мужчина: ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и

¹² Там же, с. 425.

¹³ Там же, с. 477.

¹⁴ Там же, с. 442.

¹⁵ Там же, с. 449.

однообразна. Я это поняла сначала... Но ты был несчастлив, и я пожертвовала собою, надеясь, что когда-нибудь ты оценишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нежность, не зависящую ни от каких условий. Прошло с тех пор много времени, и я проникла во все тайны души твоей... и убедилась, что то была надежда напрасная...

Мы расстаемся навеки... В твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе... есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым, ни в ком зло не бывает так привлекательно... никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты...¹⁶

Но Вера больна:

...какая-то дама из хорошеньких... но очень, кажется, больная... цвет лица чахоточный...¹⁷ (Это о ней говорит доктор Вернер)

Вера больна, очень больна, хотя в этом не признается; я боюсь, чтобы у нее не было чахотки или той болезни, которую называют *fièvre lente*...¹⁸ (Это слова Печорина.)

...я, может быть, скоро умру, я чувствую, что слабею со дня на день... и несмотря на это не могу не думать о будущей жизни, я думаю только о тебе...¹⁹ (Это говорит о себе сама Вера.)

Итак, единственные "близкие" отношения "бдительного грешника" — это отношения с "больной Верой". Понятно, что последнее предложение следует понимать не только в прямом, но и в метафорическом, символическом смысле. Кстати, как и отношения между Грушницким и Печориным, Грушницким и Мери и Печориным и Мери. В этом произведении Лермонтова явно имеется, по крайней мере, два пласта. Но об этом позже. Да, эти отношения временны, и они оба это понимают. Вот как происходит их последнее расставание:

Я как безумный бросился на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса... и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск. Я беспощадно погонял измученного коня... Я молился, плакал, проклинал, плакал, смеялся! — нет, ничто не может выразить моего беспокойства, отчаяния!... При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете — дороже жизни, чести, счастья!... И между тем я все скакал, погоняя беспощадно... Но вдруг, на крутом повороте,... он грянулся о землю. Я проворно соскочил, хочу поднять его, дергаю за повод — напрасно... через несколько минут он издох; я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком — ноги мои покосились; изнуренный тревогами и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал.

И долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие исчезли, как дым; душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся.²⁰

Так произошло расставание "грешника" с "верой". В этом расставании есть что-то от прощания с матерью. Но, оказывается, что без "веры" жить можно... И даже лучше:

¹⁶ Там же, сс. 477-478.

¹⁷ Там же, с. 425.

¹⁸ Там же, с. 431.

¹⁹ Там же, с. 441.

²⁰ Там же, с. 479.

Чего мне еще надобно? — ее видеть? — зачем? Не все ли кончено меж нами? Один горький прощальный поцелуй **не обогатит моих воспоминаний**, а после него там только труднее будет расставаться.

Мне, однако приятно, что я могу плакать!... Все к лучшему! Это новое страдание, говоря **военным слогом**, сделало во мне счастливую диверсию. **Плакать здорово...**²¹

Так и окончились отношения "вечного грешника" с "больной Верой". И сразу же окончилось и его "бодрствование":

Я возвратился в Кисловодск в пять часов утра, бросился в постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо.²²

После Ватерлоо Наполеон практически потерял веру вновь вернуть власть; "потеряв Веру", "Григорий-неспящий" заснул. То есть Лермонтов на символическом языке говорит нам, что он как бы лишился имени, то есть перестал быть самим собой. Страшная потеря. Но кто о ней догадывается, кроме, быть может, самого Печорина. — Никто. Кое-что о трагическом "прощании" я уже сказал, остальное скажу чуть позже. Но, думаю, глубина этих трагических прощаний уже ощущается очень хорошо: и в прямом, и в символическом смысле.

Часть II. Светские игры "грешника": "любовный" треугольник и "русская рулетка"

*Свет тут... он по виду,
По платью встретит честность и порок, —
Но не снесет приличиям обиду,
И в наказаниях жесток.*

— М.Ю. Лермонтов. "Маскарад"

В этой части статьи мы подробно проанализируем особенности психологии нарциссической личности Григория Александровича Печорина, причем постараемся это сделать максимально беспристрастно. То, что эта личность нарциссическая, нет никаких сомнений. Чтобы в этом лишний раз убедиться, внимательно прочитайте, например, одно из его многочисленных откровений о себе. Например, это:

Сам я больше я больше не способен безумствовать под влиянием страсти; **честолюбие у меня подавлено обстоятельствами**, но оно проявилось в другом виде, **ибо честолюбие есть не что иное как жажда власти, а первое мое удовольствие — подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха...**²³

Предоставим слово [Отто Кернбергу](#):

Такие люди проявляют слишком высокое самомнение в отношениях с другими людьми, а также огромную потребность в том, чтобы их любили и обожали, тем самым демонстрируя явно необычное противоречие между высокой степенью инфляции во мнении о себе и чрезвычайно выраженной потребностью в том, чтобы собирать дань с других... Как правило, в их отношениях имеет место использование других, а иногда — прямой паразитизм. Получается так, будто они чувствуют за

²¹ Там же, сс. 479-480.

²² Там же, с. 480.

²³ Там же, с. 444.

собой право управлять другими, распространяя на них свою власть. При этом у них совершенно отсутствует чувство вины, — и под личиной, которая очень часто бывает привлекательной и даже очаровательной, чувствуются холод и безжалостность...²⁴

Каждый раз, когда представится случай, мы снова будем обращаться к психоаналитику, но уже не столько того, чтобы подтвердить очевидный патологический нарциссизм Печорина, сколько для того, чтобы убедиться в пронизательности и психологической точности писателя Лермонтова, которая не может не поражать своей точностью. Но чтобы продемонстрировать уникальную психологическую чуткость русского классика к нарциссизму, наверное, вполне достаточно было психологического анализа драмы "Маскарад". Но при том, что и Печорин, и Арбенин — личности нарциссические, а значит, в них много общего, но и отличий ничуть не меньше. Импульсивную личность Евгения Арбенина мы уже проанализировали. Теперь наступила очередь анализа другого главного "героя" — Григория Печорина. Этим мы сейчас и займемся, не скрывая радости от того, что в его дневнике есть исключительно важные сведения о его детстве:

Да, такова была моя участь с самого детства! Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было, но их предполагали — и они родились. Я был скромн — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы, я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я стал завистлив... Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние... холодное бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой...²⁵

Как известно, психологический анализ в основном выходит за рамки анализа этического, то есть за рамки добра и зла, поэтому мы на какое-то время оставим в стороне жалобу Печорина в том, что он стал калекой и посмотрим, какие психопатологические черты, помимо нарциссизма, сформировались у него с детства вследствие такого целенаправленного воспитания. Картина, конечно, страшная, но поучительная. Тем более мы кое-что знаем о том, как Григорий Александрович реализовывал себя в жизни. Но что еще важнее, от Лермонтова нам известно много рассуждений Печорина "про себя". Так что не будем торопиться и попробуем найти аналитическое объяснение его порокам, не пропустив при этом ничего важного.

Итак:

Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было, но их предполагали — и они родились.²⁶

Нередко такие люди считаются зависимыми, ибо испытывают потребность в получении отовсюду безмерного количества дани и восхищения. Однако на более глубоком уровне они совершенно не способны от кого-то реально зависеть

²⁴ О. Kernberg, "Borderline Conditions and Pathological Narcissism", p. 227-229. Jason Aronson Inc, NY, 1975.

²⁵ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 446.

²⁶ Там же.

вследствие глубинного недоверия ко всем и полного обесценивания всех, кто их окружает...²⁷

Перспектива зависимости от другого внушает страх, так как является признанием одновременно зависти и благодарности...²⁸

...никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен...²⁹

...Ненависть — это сложный агрессивный аффект. В отличие от острых реакций ярости и легко изменяющихся когнитивных аспектов злости, когнитивный аспект ненависти является хроническим и стабильным. Ненависть прочно укореняется в характере, что выражается в мощных рационализациях и соответствующих искажениях деятельности мышления...³⁰

...Я был скромнен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен...³¹

...соответственно зависимость замещается требовательностью, преисполненной чувства правоты, или переживанием чувства неудовлетворенности и разочарования...³²

...я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы...³³

...Их эмоциональная жизнь оказывается весьма поверхностной. В их переживаниях не хватает эмпатии к окружающим... Антисоциальную личность можно рассматривать как разновидность нарциссической личности. В структуре психики антисоциальной личности имеют место точно такие же основные констелляции характерных черт... Этим людям, прежде всего, не хватает подлинного ощущения грусти и скорбного сопереживания; их главная личностная черта - отсутствие способности к выражению депрессивных реакций... они могут продемонстрировать поверхностное чувство, внешне напоминающее депрессию. Однако на поверку оно затем выражается в виде обиды и гнева, к тому же, нагруженных надеждами на отмщение, вместо переживания подлинной грусти...³⁴

...я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я стал завистлив...³⁵

...Они получают от жизни очень мало наслаждения по сравнению с той данью, которую собирают с людей или вытягивают из своих грандиозных фантазий. При этом они ощущают сильное беспокойство и тоску, едва прекращается свет от того или иного внешнего источника, и не появляется новых источников, подпитывающих их самооценку. Они завидуют окружающим, имеют тенденцию к идеализации тех, от кого ожидают нарциссической подпитки, и резко осуждают и презирают тех, от кого нечего ожидать (часто это бывают их бывшие идола)...³⁶

...Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать...³⁷

У подозрительного человека всегда что-то есть на уме. Он смотрит на мир с постоянным обеспокоенным ожиданием, настойчиво стремясь только к одному: найти подтверждения своим подозрениям. Невозможно его уговорить оставить подозрения или основанный на них план. Он не только не согласится с рациональными аргументами, а, напротив, найдет в них доказательства, подтверждающие его точку зрения. Тот, кто попытается повлиять на подозрительного человека, не только потерпит неудачу, но если вовремя не сообразит прекратить свои попытки, неизбежно сам станет объектом исходных паранойяльных подозрений...

²⁷ О. Kernberg, "Borderline Conditions and Pathological Narcissism", p. 227-229.

²⁸ О. Кернберг. "Агрессия при расстройствах личности", с. 37, "Класс", 1998.

²⁹ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 446.

³⁰ О. Кернберг. "Агрессия при расстройствах личности", с. 37.

³¹ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 446.

³² О. Кернберг. "Агрессия при расстройствах личности", с. 37.

³³ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 446.

³⁴ О. Kernberg, "Borderline Conditions and Pathological Narcissism", p. 227-229.

³⁵ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 446.

³⁶ О. Kernberg, "Borderline Conditions and Pathological Narcissism", p. 227-229.

³⁷ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 446.

...Конфронтация постоянного ригидного самоуправления параноика и внешнего мира вызывает у него непрерывную навязчивую озабоченность защитой своей автономии от внешнего посягательства...³⁸

...я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался...³⁹

...Главными характерными чертами такой (антисоциальной) нарциссической личности является самовозвеличивание, крайний эгоцентризм и заметное отсутствие интереса... к людям. При этом нарциссическая личность испытывает неутолимую жажду в одобрении и восхищении окружающих. Личности такого типа испытывают крайнюю зависть по отношению к людям, которые, по их мнению, обладают тем, что отсутствует у них, или же к людям, которые, как им кажется, просто наслаждаются жизнью...⁴⁰

...И тогда в груди моей родилось отчаяние... холодное бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой...⁴¹

Очень часто... высокомерие, величие и контролирующее поведение таких пациентов становится защитой от параноидальных проявлений, связанных с проекцией ненависти,... которая является основной чертой их психопатологии. На поверхностном уровне они явно демонстрируют весьма характерный недостаток объектных отношений. Однако на более глубоком уровне их взаимодействиях с окружающими отражаются очень интенсивные, примитивные, интериоризированные объектные отношения, связанные с переживанием испуга... У таких людей ощущается... недостаточная глубина собственных эмоций... им не хватает подлинного ощущения грусти и скорбного сопереживания; их главная личностная черта — неспособность выражать депрессивные реакции...⁴²

Имеет смысл завершить психологический анализ этой исповеди Печорина пояснением этиологии слова "психопатология". Это слово имеет греческое происхождение и фактически состоит из трех разных корней: *psyche-pathos-logos*, то есть "изучение психических или душевных страданий"⁴³. Поэтому полуразрушенная с детства личность этого "нравственного калеки", "грешника" Печорина, с психологической точки зрения, не может не вызывать сочувствия. А теперь мы продолжим анализ отношений Григория Александровича с окружающими.

Займемся первой частью "интриги" — так называемым "любовным" треугольником. "Так называемым" — потому, что в зарождающиеся романтические отношения Грушницкого и княжны Мери "внедрился" Печорин. Зачем он это сделал? Каковы были его мотивы? — Послушаем ответ самого Григория Александровича:

Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь. К чему это *женское кокетство*?... если б мне она казалась непобедимой красавицей, то может быть, я бы завлекся трудностью предприятия... Но ничуть не бывало! Следовательно, это не та беспокойная потребность любви... Из чего же я хлопочу? Из зависти к Грушницкому? Бедняжка! Он вовсе ее не заслуживает... *Быть для кого-то причиной радости и страданий*, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? Насыщенная гордость. *Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив*; если б все меня любили, я б в себе нашел

³⁸ D. Shapiro, "Neurotic Styles", p. 54-133, Basic Books, 1999.

³⁹ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 446.

⁴⁰ O. Kernberg, "Borderline Conditions and Pathological Narcissism", p. 227-229

⁴¹ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 446.

⁴² O. Kernberg, "Borderline Conditions and Pathological Narcissism", p. 227-229

⁴³ Д. Хиллман. "Самоубийство и душа", с. 141, М. "Когито-Центр", 2004.

бесконечные источники любви. Зло порождает зло; *первое страдание дает понятие об удовольствии мучить другого...*⁴⁴

И, как всегда, сразу обращаемся к психоаналитику:

Обычно с годами в любовных отношениях нарциссических мужчин начинает преобладать скука. Но некоторые из них продолжают использовать встречи с женщинами для отыгрывания сильной амбивалентности по отношению к ним, обусловленной одновременно стремлением получить удовлетворение в любви, садистской мстительностью и даже преследующим их мазохистским повторением отвержения, которое они впервые испытали от матери. То есть, у таких мужчин наблюдается слияние патологического нарциссизма и мазохизма.⁴⁵

Итак, причиной оказывается гремучая смесь патологического нарциссизма и садомазохизма. Но только ли она является причиной? Зададимся вопросом: стал бы Печорин ухаживать за княжной, если бы не было Грушницкого? Он утверждает, что этот "бедняжка... вовсе не заслуживает зависти". Но так ли хорошо Печорин знает себя, как говорит об этом, если иметь в виду, что мы имеем дело с "исповедью" нарциссической личности? Ответ снова находим у Кернберга:

Рассматривая сущность психодинамики, лежащей в основе нарциссических защит, можно отметить особую роль *зависти...* — особой формы обиды и гнева по отношению к желаемому объекту, который воспринимается как отвергающий, разочаровывающий и отказывающий в получении удовлетворения. Так желаемое становится источником страданий. *В качестве реакции на это страдания развивается сознательное или бессознательное стремление разрушить, испортить или захватить силой* то, что нарциссическая личность желает больше всего, чем она больше всего восхищается, и в чем получает отказ...⁴⁶

Итак, конечно же, не влечение, конечно же, зависть. Но это особая зависть нарциссической личности, связанная и с отсутствием у человека романтического влечения к объекту, столь желанному "бедняжке" Грушницкому, и с нарциссической скукой, которая постепенно сменяется ненавистью и желанием унижить "соперника". Но соперника мнимого, так как Печорину не нужна любовь Мери; Печорину нужно ее восхищение, которого так добивается Грушницкий. Трудно себе представить, чтобы нарциссическая личность кому-то позволила в своем присутствии восхищаться кем-то другим. Любопытство к Грушницкому Мери воспринимается Печориным как отвержение, которое заставляет его мучительно страдать, испытывая бессознательную зависть и ненависть к ним обоим. Впрочем, ненависть к Грушницкому, согласно признанию самого Печорина, нельзя назвать совершенно бессознательной:

Грушницкий... Говорит он скоро и вычурно: он один из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект их наслаждение, они нравятся романтическим провинциалкам до безумия. Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами — иногда тем и другим. В их душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии. Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас словами, как скоро разговор выходил из круга

⁴⁴ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 444.

⁴⁵ О. Кернберг. "Отношения любви. Норма и патология", с. 201, "Класс", 2004.

⁴⁶ Там же, с. 197.

обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. Только что вы остановитесь, он начинает какую-то длинную тираду,.. которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи.

...Он не знает людей, их слабых струн, потому что занимался целую жизнь самим собою. Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других, что он — существо, созданное не для мира, обреченное каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился. Я его понял, и он за это меня не любит.

Я также его не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать.⁴⁷

Итак, Грушницкий нужен Печорину как объект *отыгрывания* зависти и ненависти. Как ни странно, но именно по этой же причине ему нужна княжна Мери, и в отношениях с ними обоими это *отыгрывание*, пусть несколько разное, *его забавляет (merry)*, так как имеет существенную составляющую садизма⁴⁸ и, как мы знаем, плачевно кончается для них обоих.

Но в данном случае нас будет интересовать не столько сама по себе нарциссическая личность Печорина, сколько особенности ее поведения. В чем, например, заключается существенная разница между поведением Печорина и поведением ничуть не менее нарциссической личности Арбенина? Именно этому будет посвящен весь последующий анализ. Мы знаем, что Евгений Арбенин — игрок, личность импульсивная. Можем ли мы сказать что-то подобное о Печорине? — Конечно, нет. Печорин интриган, который решил, как минимум, унижить Грушницкого в глазах княжны ("я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать") и действует в соответствии со своим планом, в осуществлении которого ему помогает доктор Вернер. Значит, намеренность и целенаправленность действий Печорина значительно отличает его, например, от Арбенина. Григорий Александрович долго вынашивает свои планы, а потом действует — и действует наверняка. Давайте вкратце проследим за интригой, которая завязалась, мягко говоря, не без его участия, а закончилась в точном соответствии с его планами. Итак:

— **Завязка есть!** — вскричал я в восхищении, — **об развязке этой комедии мы похлопочем.** Явно судьба заботится о том, чтоб мне не было скучно.

— Я предчувствую, — сказал доктор, — что бедный Грушницкий будет вашей жертвой.⁴⁹

И далее:

Она (княжна) смутилась, — но отчего? От своей ошибки или оттого, что мой ответ показался ей дерзким? **Я желал бы, чтоб последнее мое предположение было справедливо.**⁵⁰ (Мысли Печорина).

Она (княжна) говорит, что у тебя наглый взгляд, что ты, верно, о себе самого высокого мнения.

Она не ошибается... А не хочешь ли ты за нее вступиться?

⁴⁷ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 417.

⁴⁸ Thomas Moore, "Dark Eros. The Imagination of Sadism", Spring Publications Inc., 2003.

⁴⁹ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 424.

⁵⁰ Там же, с. 434.

...**Даже, чтобы сделать тебе удовольствие, стану волочиться за княжной...**⁵¹ (Из разговора Грушницкого с Печориным).

Грушницкий, как тень, следует за княжной везде, их разговоры бесконечны: когда он ей наскучит? Мать не обращает на это внимания, потому что он *не жених*. Вот логика матерей! **Я подметил два, три нежные взгляда, — надо этому положить конец.**⁵²

— Знаете, княжна, сказал я с некоторой досадой, — **никогда не должно отвергать кающегося преступника:** от отчаяния он может сделаться еще вдвое преступнее... и тогда...⁵³

Я дал ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мне давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснела.⁵⁴

Между тем княжне мое равнодушие было досадно...⁵⁵

Она запела: ее голос недурен, но поет она плохо... впрочем, я ее не слушал... я подошел к ней после всех и сказал ей что-то насчет ее голоса довольно небрежно.⁵⁶

Но я вас отгадал, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мне отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбие — вам не удастся! **И если вы мне объявите войну, то я буду беспощаден.**⁵⁷

...Я с **притворною досадой** удалился. Княжна торжествовала; Грушницкий тоже. **Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вам недолго торжествовать!**... Только одна женщина меня поняла совершенно, со всеми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло так привлекательно?...⁵⁸

Я смеюсь над всем на свете, особенно над чувствами: это начинает ее пугать. **Она при мне не смеет пускаться с Грушницким в сентиментальные прения...**⁵⁹

Я отошел подальше и украдкой стал наблюдать за ней: она отвернулась от своего собеседника и зевнула два раза. Решительно, Грушницкий ей надоел. **Еще два дня не буду с ней говорить.**⁶⁰

Она недовольна собой; она себя обвиняет в холодности... **О, это первое, главное торжество! Завтра она захочет вознаградить меня. Я все это знаю наизусть — вот что скучно!**⁶¹

...Княжна сидела против меня и **слушала мой вздор** с таким напряженным, даже **нежным вниманием, что мне стало совестно...**⁶²

...**явно был заговор против меня; тем лучше:** ей хочется говорить со мною, ей мешают, — ей захочется вдвое более.⁶³

⁵¹ Там же, сс. 434-435.

⁵² Там же, с. 435.

⁵³ Там же, с. 437.

⁵⁴ Там же, с. 438.

⁵⁵ Там же, с. 440.

⁵⁶ Там же, сс. 440-441.

⁵⁷ Там же, с. 442.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, с. 443.

⁶¹ Там же, с. 447.

⁶² Там же, с. 448.

⁶³ Там же, с. 452.

Я раза два пожал ей руку; во второй раз она ее выдернула, ни говоря ни слова... **я дал себе слово в этот вечер непременно поцеловать ее руку...** Сажая княжну в карету, я быстро прижал ее маленькую ручку к губам своим... **Я возвратился, очень доволен собою.**⁶⁴

Я не обращал внимание на ее трепет и смущение, и губы мои коснулись ее нежной щеки, она вздрогнула, но ничего не сказала... видно было, ее беспокоило мое молчание, но **я поклялся не говорить ни слова — из любопытства. Мне хотелось видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения.**⁶⁵

— Вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю... В решительности ее голоса было что-то страшное...
— Зачем? — отвечал я, пожав плечами.⁶⁶

...Княгиня радовалась, глядя на свою дочку; а **у дочки просто нервический припадок: она проведет ночь без сна и будет плакать. Эта мысль доставляет мне наслаждение:** есть минуты, когда я понимаю Вампира.⁶⁷

И, наконец, финал отношений Печорина и княжны Мери:

— Я вам скажу всю истину, — отвечал я княжне, — **не буду оправдываться и объяснять своих поступков; я вас не люблю...** Я пожал плечами, повернулся и ушел.⁶⁸

— Княжна, — сказал я, — вы знаете, что я над вами смеялся? Вы должны презирать меня... Видите ли, **я был перед вами низок...** Не правда ли, **если даже вы меня и любили, то с этой минуты презираете?**⁶⁹

Сколько душевных сил, игры ума, тонкого расчета, нервного напряжения и т.п. тратят обе стороны: он ради интриги или забавы, а она... — сначала из интереса, потом из-за привязанности, а потом уже из-за зависимости от Печорина. Именно так. Он сделал княжну эмоционально зависимой. Можно называть эту зависимость влюбленностью — сути дела это не меняет. Зачем Печорину нужны эти извращенные платонические отношения, мы уже знаем — для удовлетворения ненасытного эмоционального голода нарциссической личности. Таковы его психологические мотивы. Теперь в поведении Григория Александровича нас будет интересовать совершенно другое: *как* ему удалось "влюбить" в себя княжну? Однако мы поставим этот вопрос несколько по-иному, с точки зрения клинического психоанализа: *каким способом* ему удалось превратить равнодушие Мери в практически полную зависимость от себя?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к особенностям образа мышления, внимания и поведения Печорина по отношению к княжне, чтобы, переложив их на язык психоанализа, увидеть в них то, что незаметно или непонятно обычному человеку, а потому чаще всего ложно истолковывается. Мы постараемся получить целостную специфическую картину его нарциссической личности, хотя сделать это будет не так легко, как при анализе личности Арбенина. А полученные выводы мы

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, с. 457.

⁶⁶ Там же, с. 458.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, с. 460.

⁶⁹ Там же, с. 482.

постараемся проверить на других, не менее важных для "героя-грешника" отношениях — Печорина с Грушницким.

Печорин старше, умнее, опытнее Грушницкого, а самое главное — он вхож в свет и хорошо там известен. Это мы узнаем от доктора Вернера:

...верно, она встречала вас в Петербурге, где-нибудь в свете... я сказал ваше имя... Оно было ей известно. Кажется, ваша история там наделала много шума... Княгиня стала рассказывать о ваших похождениях... дочка слушала с любопытством. В ее воображении вы сделали героем романа в новом вкусе...⁷⁰

Грушницкий только мечтает сделаться героем романа,⁷¹ а Печорин — уже герой романа, да еще *в новом вкусе*. "Грушницкий — юнкер, только год в службе, носит, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель"⁷², Печорин — прапорщик, "странствующий офицер"⁷³, то есть все "объективные" преимущества на его стороне. И вдруг он видит, что Грушницкому нравится княжна Мери, и влюбленность юнкера действует на "странствующего офицера", как красная тряпка на быка. Почему? Рациональных объяснений может быть несколько: внутренняя неприязнь Печорина к Грушницкому, его желание наказать юнкера за его позерство и влюбленность в княжну, которой тот, по мнению Печорина, не достоин, "презрение к женщинам", чисто мужское соперничество, — каждая из этих причин, наверное, отчасти присутствует. Но только отчасти...

Да, я уже прошел тот период жизни душевной, когда ищут только счастья, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь, — теперь только хочу быть любимым, и то очень немногими; даже, кажется, одной постоянной привязанности мне было бы довольно: жалкая привычка сердца!

Однако мне всегда было странно: я никогда **не делался рабом любимой женщины; напротив, я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть**, вовсе об этом не стараясь. Отчего это? — оттого ли что я никогда ничем очень не дорожу и что они ежеминутно боялись выпустить меня из рук? Или это — магнетическое влияние сильного организма? Или мне просто не удавалось встретить женщину с сильным характером?

Надо признаться, что я точно не люблю женщин с характером, их ли это дело!.. один раз, один только раз я любил женщину с твердою волей, которую никак не мог победить... Мы расстались врагами...⁷⁴

Главные мотивы, как мы уже знаем, — это безмерная зависть и стремление "героя романа в новом вкусе" сохранить власть, к которой он постоянно стремился, которой он добивался и расстаться с которой для него невозможно. Скорее он устранит любого человека, вставшего между ним и властью. Только не яростно и импульсивно, как застигнутый врасплох Арбенин, а планомерно и расчетливо. А чтобы не застали врасплох, нужно быть очень внимательным, бдительным и подозрительным:

...Я подошел ближе и **спрятался** за угол галереи. В эту минуту Грушницкий уронил свой стакан на песок и усилился нагнуться, чтобы поднять его...⁷⁵

⁷⁰ Там же, с. 424.

⁷¹ См. п. 39.

⁷² Там же, с. 417.

⁷³ Там же, с. 414.

⁷⁴ Там же, с. 431.

⁷⁵ Там же, с. 421.

– У подозрительного человека всегда что-то есть на уме. Он смотрит на мир с постоянным обеспокоенным ожиданием, настойчиво стремясь только к одному: найти подтверждения своим подозрениям. Невозможно его уговорить оставить подозрения или основанный на них план. Он не только не согласится с рациональными аргументами, а, напротив, найдет в них доказательства, подтверждающие его точку зрения. Тот, кто попытается повлиять на подозрительного человека, не только потерпит неудачу, но если вовремя не сообразит прекратить свои попытки, неизбежно сам станет объектом исходных паранойяльных подозрений.⁷⁶

Итак, у нас появилась гипотеза: в патологической нарциссической личности Печорина присутствует сильная паранойяльная составляющая. Попробуем показать, что именно она стала определяющей в поведении Печорина, как только ему показалось, что появилась какая-то угроза или хотя бы сомнения в его "власти" светского хищника. Прежде всего напомним, что "герой романа в новом вкусе" с самого начала подозревает Грушницкого в стремлении сделаться "героем романа", то есть, в каком-то смысле, занять его место. А значит, как мы помним: "Я также его не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать". К сожалению, этой "узкой дорогой" оказались романтические чувства московской княжны. И тогда получилось, что "несдобровать" и ей. Мери была целью для Грушницкого, а потому оказалась средством для нарциссической мести и паранойяльного самоутверждения Печорина. Чем больше влюблялся Грушницкий, тем больше завидовал, мстил и "забавлялся" Печорин:

Я лгал, но мне хотелось его побесить. У меня врожденная страсть **противуречить**, целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных **противуречий сердцу или рассудку**. **Присутствие энтузиаста обдаёт меня крещенским холодом...** Признаюсь еще, чувство неприятное, но знакомое пробежало слегка в одно мгновение по моему сердцу; это чувство было — зависть; я говорю смело "зависть", потому что привык во всем себе признаваться...⁷⁷

Послушаем комментарий клинического психолога:

Таким образом, если автономия, намеренность и воля хорошо сформированы и стабильны, человек может расслабиться в двух отношениях. Обычный человек ослабляет волю не только при проявлении спонтанности или прекращения напряженной деятельности. При определенных обстоятельствах он ослабляет волю и для того, чтобы прислушаться к мнению окружающих, согласиться с ними и даже им подчиниться. Иными словами, обычный человек может "уступить". Он может "уступить" себе, не ощущая тревоги, и может "уступить" другим, не ощущая унижения или даже хуже того.

Но если нужно поддерживать ригидное самоуправление, недопустимы никакие "уступки" ни себе, ни внешнему давлению или авторитету. Более того, если ригидное самоуправление поддерживается лишь благодаря огромному напряжению и не является слишком стабильным, **можно ожидать не только сопротивления внешней силе или авторитету, но и острого их осознания и острой чувствительности по отношению к ним**. По существу, можно сказать, что отличительной чертой нестабильной автономии является угроза "уступить" внешней силе и угроза "уступить" внутреннему давлению (в виде влечений и аффектов). Эти два фактора субъективно равнозначны, поскольку они оба представляют угрозу одним и тем же психологическим функциям. Во всяком случае,

⁷⁶ David Shapiro, *Neurotic Styles*, p. 54-107, NY, Basic Books, 1999.

⁷⁷ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 420.

именно таким, обоснованным, защитным и крайне антагонистическим представлением внешних сил и авторитетов фактически пропитана вся субъективная жизнь паранойяльной личности. Конфронтация постоянного ригидного самоуправления параноика и внешнего мира вызывает у него непрерывную навязчивую озабоченность защитой своей автономии от внешнего посягательства.⁷⁸

Григорий Александрович, конечно, мог себе признаться в том, что испытывает зависть. Но, разумеется, он не мог признаться в своей паранойяльной подозрительности и в постоянном поиске внешней угрозы своему нарциссическому авторитету: в первую очередь от мужчин, но иногда и от женщин... Влюбленный Грушницкий не сводит глаз с княжны, но *на охоту* за ними уже вышел Печорин, причем, его "подозрительность характеризуется крайним напряжением и *направленностью* внимания"⁷⁹. Вот его описание поведения Грушницкого, которое вполне можно рассматривать как проективное:

Грушницкий следил за нею, как хищный зверь, и не спускал с нее глаз...⁸⁰

Как известно,...

...внимание паранойяльной личности не пропустит ничего обычного и, разумеется, от него не ускользнет ничего, что имеет хотя бы малейшую связь с ее озабоченностью и предубежденностью.⁸¹

И тогда в описании Печорина "бедняжка" Грушницкий мгновенно превращается в "хищного зверя". Очень наглядная иллюстрация работы паранойяльной проекции. Давайте рассмотрим еще один, более сложный пример, когда Печорин, как бы забавляясь, пугает княжну:

Лицо Грушницкого изобразило удовольствие... В это время они поравнялись со мной; я ударил плетью по лошади и выехал из-за куста...

— Бог мой, черкес! — воскликнула княжна.

Чтоб ее совершенно разуверить, я отвечал по-французски, слегка наклонясь:

— Не бойтесь, сударыня, я не более опасен, чем ваш кавалер...⁸²

Почему Печорин так себя ведет? Сам он объясняет свой поступок желанием выглядеть дерзким в глазах княжны, и, вызвав у нее раздражение, прервать их романтическую идиллию с Грушницким. Это — на поверхности. Но не будем забывать, что Печорин *на охоте*, что он все время идет по следу, и...

...практически, чтобы избежать неожиданности, параноик просто ее ждет. В этом и состоит паранойяльная "сверхнастороженность", и именно эта активность отличает такую сверхнастороженность от обычной реакции испуга. Подозрительный человек всегда готов к какой-то неожиданности и сразу ее распознает. При этом он не просто распознает неожиданность, а переключает на нее все свое внимание. Он должен ее освоить, исследовать и, по возможности, стать хозяином положения. Иначе говоря, он должен ввести ее в привычную для себя схему и по существу

⁷⁸ D. Shapiro, *Neurotic Styles*, p. 54-107.

⁷⁹ D. Shapiro, *Neurotic Styles*, p. 54-107.

⁸⁰ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 426.

⁸¹ D. Shapiro, *Neurotic Styles*, p. 54-107.

⁸² М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 433.

получить удовлетворение от того, что она хотя бы перестала быть неожиданностью и стала привычной.⁸³

То есть, на поверхности — игра в "третьего лишнего". В глубине — охота на человека, на "бедняжку" Грушницкого (еще более жалкого, чем князь Звездич). Он больше всего подходит на роль жертвы, которую нужно принести паранойальной нарциссической личности для сохранения пошатнувшегося реноме "героя романа в новом вкусе". Тогда аналогия с "Маскарадом" просматривается еще глубже: и здесь и там нарциссическая личность борется за сохранение власти, что в результате приводит к одной смерти и одному психическому расстройству. Разница заключается в том, что Арбенин, личность импульсивная и совершенно непредусмотрительная, сам становится жертвой своей мстительной ненависти; Печорин — паранойальная, а потому крайне предусмотрительная личность; он сам выбрал себе подходящую жертву — Грушницкого. Отношение Грушницкого к Мери стало основным патологическим мотивом, содержанием и даже внешним поводом для его приговора. Чтобы привести свой приговор в исполнение "грешнику" оставалось только построить планы и сплести интриги. И он, обладая острым умом, не обремененным излишней моралью, безупречно исполняет свою роль, которую, кстати, прекрасно осознает:

Неужели, думал я, мое единственное назначение на земле — разрушать чужие надежды?...Я был необходимое лицо пятого акта; невольно я разыгрывал роль палача или предателя.⁸⁴

Посмотрим, как он это делает. Обратимся к Лермонтову:

...Я слез и подкрался к окну; неплотно притворенный ставень позволил мне видеть пирующих и расслушать их слова. Говорили обо мне...⁸⁵

Он (Грушницкий) придерется к какой-нибудь глупости и вызовет Печорина на дуэль...⁸⁶

...Холодная злость овладела мною при мысли, что если б не случай, то я мог бы сделаться посмешищем этих дураков. **Если б Грушницкий не согласился, я бросился б ему на шею...**⁸⁷

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. **За что они все меня так ненавидят?** — думал я — за что? **Обидел ли я кого-нибудь?** Нет. **Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?** И я чувствовал, что ядовитая злость мало-помалу наполняла мою душу. «Берегитесь, господин Грушницкий! — говорил я, прохаживаясь взад и вперед по комнате. — Со мной этак не шутят. **Вы дорого можете заплатить за одобрение шуток ваших глупых товарищей.** Я вам не игрушка!...»⁸⁸

⁸³ D. Shapiro, *Neurotic Styles*, p. 54-107.

⁸⁴ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери.", с. 450.

⁸⁵ Там же, с. 459.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, с. 460.

⁸⁸ Там же.

...У княжны горел огонь. **Что-то меня толкнуло к этому окну.** Занавес был не совсем задернут, и я мог бросить **любопытный взгляд** на внутренность комнаты...⁸⁹

...Судьба вторично доставила мне случай подслушать разговор, который должен был решить **его участь.** Он (Грушницкий) меня не видал, и, следовательно, я не мог **подозревать умысел;** но это только увеличивало его вину в моих глазах.

Признаюсь, я испугался... если б Грушницкий отгадал истину; но, **ослепленный ревностью, он и** не подозревал ее.⁹⁰

...Подумайте хорошенько: поддерживая свое мнение, вы... рискуете жизнью.⁹¹

...я рассказал ему (Вернеру) все — ...и разговор, подслушанный мною, из которого я узнал намерение этих господ подурочить меня, заставив стреляться холостыми зарядами. Но теперь дело выходило из границ шутки: они, вероятно, не ожидали такой развязки.⁹²

Вернер: ...Теперь вот какие у меня подозрения: они, то есть секунданты,... несколько переменили свой прежний план и хотят зарядить пулю один пистолет Грушницкого. Это немножко похоже на убийство... только Грушницкий, кажется поблагороднее своих товарищей. Как вы думаете, стоит им сказать, что мы догадались?

— Ни за что на свете, доктор! Будьте спокойны, я им не поддамся.⁹³

Печорин (Вернеру) — Пожалуйста, не беспокойтесь, доктор, и погодите... Я все так устрою, что на их стороне не будет никакой выгоды...⁹⁴

Я его (Грушницкого) поставил в затруднительное положение. Стреляясь при обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть, не отягощая слишком своей совести; но теперь он должен был выстрелить на воздух, или сделаться убийцей, или, наконец, оставить свой подлый замысел и подвергнуться одинаковой со мною опасности. **В эту минуту я не желал быть на его месте.**⁹⁵

— (Печорин)...только подумайте, что один из нас непременно будет убит.

— (Грушницкий) **Я желаю,** чтобы это были вы...

— (Печорин) **А я так уверен** в противном...⁹⁶

Теперь давайте ответим на важный вопрос: в какой мере *охотник* рискует своей жизнью? Мой ответ приблизительно такой: не больше, чем охотясь на кабана. Теперь достаточно хорошо узнав главного "героя нашего времени", мы с помощью психологического анализа попробуем это доказать. Вспомним, что в жизни Арбенина тоже был случай, когда он в буквальном смысле слова "поставил на карту" свою жизнь. Тогда в картах ему повезло. И тогда поставим свой вопрос по-другому: есть ли у нас какие-то основания сказать, что Печорину тоже "повезло"? Или все-таки прав Печорин, когда говорит, что "**уверен**" в том, что убьет Грушницкого?

Прежде всего, вполне уместно вспомнить, что Печорин был заядлым охотником и отличным стрелком:

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, с. 464.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, с. 466.

⁹³ Там же, с. 467.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, с. 472.

⁹⁶ Там же, с. 471.

Григорий Александрович... страстно любил охоту: бывало, так в лес его и подмывает за кабанамии или козами... Вот, однако ж, смотрю... не сказав никому, отправился стрелять, раз и другой, все чаще и чаще...⁹⁷

А вот мысли Печорина, который не может заснуть непосредственно перед дуэлью:

А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала. Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно...⁹⁸

Грушницкий же перед выстрелом он был совершенно психологически подавлен Печориным и... своим "другом" драгунским капитаном:

Грушницкий стал против меня и... начал поднимать пистолет. Колени его дрожали. Он целил мне прямо в лоб... Вдруг он опустил дуло пистолета и, поблуднев, как полотно, повернулся к своему секунданту:

- Не могу, — сказал он глухим голосом.
- Трус, — отвечал капитан.⁹⁹

И дальше:

...капитан плюнул и топнул ногой:

— Дурак же ты, братец, — сказал он, — пошлый дурак. Уж положился на меня, так слушайся во всем... Поделом же тебе! Околевай, как муха...¹⁰⁰

Для сравнения, посмотрим, как прежде вел себя в такой же ситуации Печорин:

Я стал на углу площадки, **крепко упершись левою ногою** в камень и, наклонясь немного вперед, чтобы в случае раны не опрокинуться назад.

А Грушницкий даже этого не мог сделать: и по наивности, и потому что он совсем **недавно был сам ранен в ногу**. Кроме того, как мы знаем, он был отвергнут княжной и обозлен — и того, и другого намеренно и целенаправленно добивался Печорин:

...Он только вчера приехал, а успел уже поссориться с тремя стариками... решительно — несчастья развивают в нем воинственный дух...¹⁰¹

Грушницкий мне не кланяется уж несколько времени, а нынче раза два посмотрел на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда нам придется расплачиваться.¹⁰²

Охотник не упускает из внимания почти затравленного зверя. Это метафорическое описание манеры наблюдения Печорина. Но есть и не менее точное клиническое описание манеры такого наблюдения:

Такие люди не просто обладают чрезвычайно активным, напряженным и пристальным вниманием; по существу, они не могут сделать его другим. Они всегда

⁹⁷ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Бэла", с. 384.

⁹⁸ См. п. 9.

⁹⁹ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 474.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, с. 455.

¹⁰² Там же, с. 462.

внимательно ищут, всегда крайне сосредоточены. Их внимание никогда не остается пассивным и никогда не блуждает бесцельно. Именно эти черты следует иметь в виду, говоря о постоянной, ригидной и напряженной направленности подозрительного внимания. Такое внимание всегда имеет цель, оно всегда целенаправленно и всегда *что-то* ищет. Иначе говоря, такое внимание обусловлено ригидной намеренностью.¹⁰³

Итак, практически нет сомнений в том, что Грушницкий был обречен, причем степень его обреченности значительно выше, чем у князя Звездича. Как известно, в начале драмы "Маскарад" появившийся Арбенин даже спасает от позора проигравшего все деньги князя, отыгрывая их обратно. И губит Звездича "невинная" интрига баронессы Штраль, которая в общем-то случайно направила на него импульс мстительного гнева взбешенного Арбенина. Разумеется, в каком-то смысле Звездич тоже был обречен из-за своей глупости и незнания "правил игры". Но при удачном стечении обстоятельств он мог хотя бы на какое-то время продержаться в свете. К сожалению, Грушницкому повезло меньше: с самого начала он стал потенциальной жертвой параноика Печорина, который стал на него *охотиться*, как на кабана. Спасти его могла только полная покорность и признание себя жертвой. Но из-за своей природной и нарциссической глупости Грушницкий совершенно не видит реальной, постоянно возрастающей опасности и доверяется людям (в частности, драгунскому капитану), которые в критический момент от него отказываются, оставив его на шести шагах один на один с паранойяльным преследователем. Как известно, наш "герой-грешник" слишком хороший охотник и меткий стрелок, чтобы промахнуться с шести шагов в загнанную им в угол и столь вожделенную жертву.

Я постарался доказать, что Печорин сделал все возможное, чтобы свести к минимуму свой риск погибнуть на дуэли. Но в своих записях и размышлениях Григорий Александрович не исключает свою смерть и готов к ней. Есть ли здесь противоречие, а если есть, в чем оно заключается?

На мой взгляд, все дело в том, что и для Арбенина, и для Печорина главное заключалось в том, чтобы **спасти** свою **нарциссическую власть** или, говоря иначе, спасти свою нарциссическую личность от разрушения. Разумеется, этот психологический мотив в основном остается бессознательным и подменяется социально одобряемым стремлением "спасти честь". Арбенин не смог этого сделать и сошел с ума, потому что был импульсивной личностью и не обладал прочной нарциссической защитой, присущей ригидной паранойяльной личности Печорина. Печорин шел на дуэль уже в качестве "защитника чести" женщины, хотя, как мы знаем, немало сделал, чтобы поставить под сомнение честь даже не одной, а сразу двух женщин. Но он уже создал общественное мнение в свою пользу (справедливости ради можно сказать, что не без помощи отвергнутого княжной глупого Грушницкого).

Поэтому если даже *охотник* будет *случайно* убит "*упавшей грушей*" (приблизительно такова степень риска), в памяти людей, в том числе княжны, отношения с которой его *забавляли*, он останется "героем романа в новом вкусе":

¹⁰³ D. Shapiro, *Neurotic Styles*, p. 54-107.

Вчера я встретил ее в магазине... она торговала чудесный персидский ковер... Я дал сорок рублей лишних и перекупил его; за это был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство. Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкесскую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер у них был в это время и говорил мне, что эффект был самый драматический.¹⁰⁴

Не менее позитивные чувства испытывает к нему и муж-рогоносец:

"Благородный молодой человек!... Но вас наградит та, для которой вы рискуете жизнью..."¹⁰⁵

Словом, Печорин, в отличие от Арбенина, в минимальной степени рискует жизнью и совсем не рискует разрушением своей нарциссической личности. А потому в его рассуждениях о возможной смерти есть немало противоречий и скрываемого лукавства:

...настоять на том, чтобы дело обошлось, как можно секретнее, потому что я **когда угодно готов подвергать себя смерти, но нисколько не расположен испортить на всегда свою будущность в этом мире.**¹⁰⁶

и

...Вот уже полтора месяца, как я в крепости N... Перечитываю последнюю страницу (дневника): смешно: я думал умереть; это было невозможно: я не иссушил еще чаши страданий и теперь чувствую, что мне долго еще жить.¹⁰⁷

А с другой стороны:

Что ж? **Умереть так умереть! Потеря для мира небольшая, да и мне самому порядочно скучно.**¹⁰⁸

Где же правда?

Кстати, заметим, что чувство подвело Печорина. Вскоре он умер, возвращаясь из Персии¹⁰⁹. Не сбылось и предсказание гадалки, которое еще в детстве сулило ему "*смерть от злой жены*" и которое легло в основу его "идеологии свободы":

...Я готов на все жертвы, кроме этой; **двадцать раз жизнь, даже честь поставлю на карту... но свободы своей не продам.** Отчего я так дорожу ею? Что мне в ней?... куда я себя готовлю?... чего я жду от будущего?... Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страх, неизъяснимое предчувствие... Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей... Признаться ли? Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня матери; она предсказала мне *смерть от злой жены*; это меня тогда глубоко поразило; в душе моей родилось непреодолимое отвращение к женитьбе... **Между тем, что-то говорит, что ее предсказание сбудется; по крайней мере, буду стараться, чтобы оно сбылось как можно позже.**¹¹⁰

А вот комментарий психоаналитика:

¹⁰⁴ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 427.

¹⁰⁵ Там же, с. 466.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же, с. 468.

¹⁰⁸ Там же, с. 467.

¹⁰⁹ Там же, с. 403.

¹¹⁰ Там же, с. 461.

При наиболее тяжелых случаях нарциссизма человек не способен влюбиться — это характерный признак патологического нарциссизма. Если нарциссическая личность влюблена, идеализация объекта любви может фокусироваться на физической красоте, власти, **богатстве** и славе... Для нарциссической личности **жизнь протекает в изоляции**. Увеличиваются и подкрепляются обиды, так что они не проходят даже в моменты близости. **При наихудшем сценарии возникает удушающее чувство несвободы и преследования со стороны другого...**¹¹¹

Так что Григорий Александрович лукавит не только с другими, но и сам с собой, размышляя над экзистенциальными вопросами жизни и смерти. То есть, его поведение демонстрирует одно, а направлено на достижение совсем другого. Он показывает всем и даже говорит себе, что ему жизнь не так уж и дорога, но при этом планирует свои действия и поступает только так, чтобы ее сохранить. И в редкие моменты откровения он нам сам это объясняет:

...Я никогда сам не открываю моих тайн, а ужасно люблю, чтоб их отгадывали, потому что таким образом я всегда могу при случае от них отпереться.¹¹²

Но, чем больше мы отгадываем тайны Григория Александровича, тем больше нам открывается патологии и тем тяжелее становится на душе. И потому, стараясь перевести на язык клинической психологии его поведение и его мысли, давайте попробуем понять и это его высказывание:

...создается субъективный мир, в котором точно воспринимаемые факты при интерпретации получают особый смысл, совершенно отличающийся от реального. Субъективный мир становится смесью аутичной составляющей и воспринимаемых фактов. Интерпретация паранойяльной личностью картины мира является аутичной, но в фактических деталях очень точной. На воспринимаемые факты параноик накладывает свои аутичные интерпретативные схемы, построенные на предубеждениях. Его интересует не видимый мир, а мир, который за ним скрыт, и в видимом мире ему нужны только ключи к скрытому миру. Таким образом, его интересуют скрытые мотивы, тайные цели, особый смысл и т. п.¹¹³

Как мы теперь понимаем, паранойяльные интерпретации можно (хотя бы отчасти) понять, только зная определенные ключи. Именно об этом нам говорит Печорин. Но он умалчивает о том, что любая попытка их узнать будет воспринята нарциссическим параноиком как угроза, а в понятиях Печорина — как посягательство на его честь и достоинство. К чему это ведет, мы хорошо знаем.

¹¹¹ О. Кернберг. "Отношения любви. Норма и патология", сс. 188-190.

¹¹² Там же, с. 424.

¹¹³ D. Shapiro, *Neurotic Styles*, p. 54-107.

III. Вместо послесловия

– *Милый мой, я ненавижу людей, чтоб их не презирать, иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом.*

– *Милый мой, я презираю женщин, чтобы их не любить, иначе жизнь была бы слишком нелепой мелодрамой.*

М.Ю. Лермонтов. "Герой нашего времени".

Честно говоря, меня всегда коробила неудержимая тяга нашей современной "творческой" интеллигенции к демонстрации и коллективному смакованию разной психопатологии. Если такие творческие личности хотят народного признания, то — в чем? В достоверном отображении части собственной психики? — А нужно ли оно широкому читателю и зрителю? В точном изображении патологических симптомов? — Но не лучше ли в таком случае ограничить аудиторию специалистами: психологами, врачами и художественными критиками. Посмотрят специалисты "Шизофрению", "Дом дураков" и т.п., и выскажут свое компетентное мнение о художественных и нехудожественных достоинствах подобных произведений. Интерес таких деятелей культуры, как и многих других людей, которых, видимо, не коснулась эта беда, понятен: с одной стороны, никакого секса, никакого насилия в этой псевдокультурной чернухе не найти, а с другой стороны, как остро она воспринимается! Но психологическая (или, если угодно, психопатологическая глубина) этой "остроты восприятия" таким мастерам, судя по всему, непонятна (не тому учились), и как все непонятное притягивает. Такого таланта, как у Дастина Хоффмана, чтобы сыграть человека, страдающего аутизмом ("Человек дождя"), явно нет. А если есть, почему бы не экранизировать, например, "Записки сумасшедшего" или "Записки из мертвого дома" или, на худой конец, "Записки из подполья"? Показать разные симптомы психопатологии, задумываясь уже не об этике, а об эстетике этой экранизации. И не снимать фильм о хосписе, а уж если так тянет показать онкологию, постараться получить разрешение снять "Раковый корпус". Правда, чтобы снимать такие фильмы, нужно любить людей, а не глумиться над ними... Пока, судя по всему, этого не хочется или не получается. А если, скажем, Бергман, Антониони или Висконти в 60-70-е годы прошлого века демонстрировали в своих фильмах свое увлечение психоанализом или экзистенциальным анализом, то нужно отдать должное и тому, что эти "анализы" были частью той культуры, в которой они выросли, и тому мастерству, которым они обладали, и той любви к человеку, которую они испытывали. То же самое можно сказать о фильме Миклоша Формана "Полет над гнездом кукушки". Я понимаю: если у наших "мастеров сцены или широкого экрана" появляется мотивация "художественно" показать нам свою любовь к патологии, справиться с этим влечением крайне трудно, в особенности, если у людей нет проблем с деньгами. А может быть проблема заключается совсем в другом. Например, они себя спрашивают: "Есть воля и смелость у нас, чтобы стать героями нашего времени?" И судя по всему, отвечают: да, найдется и то, и другое, и деньги на постановку в придачу.

Этот вопрос несправедливый. Конечно, трудно себе представить, чтобы советский поэт-песенник, написавший эти строки, хотя бы смутно себе

представлял глубинный смысл того, что он написал. Иными словами, хватит ли у современного человека ригидной воли и отчаянной смелости, присущей нарциссическому параноику и "великому грешнику"? Печорин — действительно **великий грешник**, и это больше чувствует, чем понимает, княжна Мери, едва ли не самый психологически здоровый человек среди всех действующих лиц:

- (Печорин) Разве я похож на убийцу?
- (Княжна) Вы хуже.¹¹⁴

Что имела в виду княжна, сказав, что Печорин хуже убийцы, после прочтения этой статьи, надеюсь, стало понятно. Печорин *охотится* за Грушницким, доводя его до унижения или до убийства, то есть, по существу, до самоубийства, используя княжну как наживку, к которой романтически привязалась его жертва. Оказавшись в таком "любовном" треугольнике с двумя нарциссическими личностями, одна из которых — глупый романтик, а другая — презрительный параноик, задавшийся целью убить романтика, наверное, нельзя не получить серьезное нервное потрясение, от которого очень трудно оправиться, чтобы снова обрести доверие к мужчинам.

Прежде, чем закончить статью, мне хотелось бы вкратце сказать о двух очень важных деталях, которые имеют прямое отношение к тому, что написано в начале этого "послесловия". Во-первых, я хотел бы обратить внимание на одно ключевое слово в тексте книги, которое появляется в самых острых эпизодах и размышлениях персонажей и практически всегда становится смысловой альтернативой глагола "любить". Речь идет о слове "презирать". Я, конечно же, не случайно выбрал этот эпитаф, в котором оно встречается дважды. Стоит привести еще несколько ключевых фраз, в которых оно употребляется, чтобы оценить его важность в контексте книги:

— (Княжна Печорину): Или вы меня **презираете или очень любите!** Может, вы хотите посмеяться надо мной, возмутить мою душу, а потом оставить? Это было бы так подло и так низко... Я ничего не отвечал.¹¹⁵

...О, отвечайте скорее, жальтесь... Вы меня **не презираете**, не правда ли?

– Я вам скажу всю истину, — отвечал я княжне, — **не буду оправдываться и объяснять своих поступков; я вас не люблю...** Я пожал плечами, повернулся и ушел.¹¹⁶

– Княжна, — сказал я, — вы знаете, что я над вами смеялся? Вы **должны презирать** меня... Видите ли, **я был перед вами низок...** Не правда ли, **если даже вы меня и любили, то с этой минуты презираете?**¹¹⁷

Я иногда **себя презираю**... не оттого ли я **презираю и других?**... Я стал неспособен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе...¹¹⁸

Как мы видим, речь идет о презрении Печорина к себе и к другим, в частности, к княжне, а также о том, что многие другие (в частности, княжна

¹¹⁴ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 446.

¹¹⁵ Там же, с. 458.

¹¹⁶ Там же, см. п. 65.

¹¹⁷ Там же, см. п. 66.

¹¹⁸ Там же, с. 461.

Мери, и Грушницкий) ощущают на себе это презрение, а если у них появляются сомнения, то "великий грешник" делает все, чтобы их развеять, как только перестает нуждаться в этих людях. Нам, конечно же, известно, что презрение к другим — это характерная черта нарциссической личности. Но как же насчет презрения к себе? Не лукавит ли снова господин Печорин? Думается, нет. И **презирает себя** за "врожденный", "безотчетный" страх саморазрушения, который присутствует у каждой нарциссической личности и который возрастает в геометрической прогрессии с возрастанием близости отношений с женщиной. Отсюда и смешное объяснение Печорина своего страха предсказанием темной старухи *"смерти от злой жены"*. Он действительно может умереть, только не от злой, а, как это ни парадоксально, от любящей жены, ибо:

Может возникнуть вопрос, действительно ли нарциссическая личность способна любить только себя... Как правило, в любовных отношениях присутствуют альтруистические черты, по-разному соединяющие в себе эгоизм и самопожертвование, преданность другому и собственное удовлетворение. Можно сделать вывод, что нормальный нарциссизм и ориентация на объект любви дополняют друг друга...¹¹⁹

А так как ориентация на объект любви у нарциссической личности отсутствует, тогда обязательно присутствует проекция вытесненной ненависти к этому объекту, и... *смерть от (якобы) злой жены* становится вполне реальной. А потому любовь такого человека...

...никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия, я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться.¹²⁰

Так что если Григорий Александрович и лукавит, то совсем немного. Есть другое. Несмотря на все стремление познать себя, он в принципе не мог этого сделать, при всей гениальности автора произведения. Ему просто не хватило знаний или, если угодно, средств и инструментов для самопознания. Поэтому спустя почти два века "герой романа в новом вкусе" сделался героем психологической статьи "в новом вкусе". Но двести лет жизни в литературе — срок немалый; более того, я уверен, что и это далеко не предел.

И, наконец, во-вторых. Мне хотелось бы обратить внимание на **глаза** и **взгляды** основных персонажей книги: и потому, что их описанию уделяет много внимания Лермонтов, и потому, что это описание несет в себе такие психологические характеристики, которые при экранизации или драматургической постановке этого произведения могут исчезнуть (актеры в силу своих личностных особенностей просто не смогут их воспроизвести), и тогда, боюсь, зритель больше потеряет, чем приобретет глядя на фальшивую игру актеров (а по существу, на их собственные неврозы).

Прежде всего познакомимся с описанием глаз и взгляда самого Печорина:

¹¹⁹ О. Кернберг. "Отношения любви. Норма и патология", сс. 188-190.

¹²⁰ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 468.

...у него были... карие глаза... Во-первых, они никогда не смеялись, когда он смеялся! Это признак или злого нрава или глубокой постоянной грусти... они сияли каким-то фосфорическим блеском:.. то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его — непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен.¹²¹

В этом описании почти все указывает на нарциссическую личность: глаза, которые как бы существуют отдельно от лица и никогда не смеются (позже мы поймем психологическую причину); а признак "злого нрава или глубокой постоянной грусти" по существу является признаком мстительной ненависти и скрытой глубокой депрессии. На нарциссическую личность указывает и "холодный, равнодушно спокойный взгляд", "непродолжительность и тяжесть" которого могут свидетельствовать о наличии паранойи.

Подтверждением этому выводу служит описание Печориным глаз княжны, которое больше говорит о наблюдателе, чем об объекте наблюдения:

Я люблю эти глаза без блеска, они так мягки, как будто бы тебя глядят... Впрочем, кажется в ее лице только и есть хорошего.¹²²

Прежде всего, обратим внимание, что Печорин "любит" в лице княжны только глаза, которые так "мягки, как будто бы тебя глядят". В психоанализе известно об "отзеркаливании" взгляда матери взгляда ее ребенка в первые недели и месяцы его жизни. Если такого "отзеркаливания" нет, у ребенка не появляется необходимого ощущения своего существования. Доказательством его существования служит этот отзеркаливающий в материнский взгляд. В противном случае ребенок, а позже и взрослый, бессознательно ищет эти доказательства всю свою жизнь. Так происходит развитие нарциссической личности. И получив эти доказательства, нарциссическая личность делает все возможное, чтобы сделать от себя зависимым человека или людей, компенсирующих эту раннюю детскую травму. Но относительно психологически здоровые люди, как, например, княжна Мери, не готовы постоянно служить для нарциссической личности "отзеркаливающим объектом". А взгляд у княжны, как у любого человека, может быть очень разным, что, конечно же, заметили и Печорин,...

...глаза ее, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, в сотый раз пробегали одну и ту же страницу...¹²³

...и Грушницкий:

...Вот хоть княжна: вчера ее глаза пылали страстью, останавливались на мне, нынче они тусклы и холодны...¹²⁴

Грушницкий был отвергнут, если бы вдруг Печорин увлекся княжной, его ждала бы та же участь. Возможно, именно такой "злой жены" боялся

¹²¹ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Максим Максимыч, с. 399.

¹²² М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", с. 419.

¹²³ Там же, с. 463.

¹²⁴ Там же, с. 440.

Григорий Александрович. Как правило, нарциссическая личность считает предателями тех людей, которые перестают ее "отзеркаливать", поэтому при малейшем подозрении (а у паранойяльной личности подозрительность вообще не знает границ) они первыми покидают своих "любимых". А тех, кто в силу своей зависимости, продолжают это делать, со временем становится все меньше, а их страдания все сильнее, как, это происходит, например, с Верой, которая ему говорит:

С тех пор, как мы знаем друг друга, ты ничего мне не дал, кроме страданий...¹²⁵

Здесь же кроется ответ, почему Печорин так отчаянно и бессознательно стремился догнать Веру: нарциссическая личность пыталась вернуть свое "зеркало души". Не удалось. И тогда его утешает его "холодный разум" и "здравый смысл". Все это Печорин мог бы объяснить княжне, если бы понимал сам. Но так как он не мог этого знать, а мог лишь чувствовать, то, как нам известно, он отказался от любых объяснений. И постарался убедить княжну, что она должна его "**презирать**". Во всяком случае, мы можем быть уверены, что на ее месте он поступил именно так.

На этом можно было бы закончить, если бы я умолчал еще об одном "лукавстве" Григория Александровича, связанном с его отношением к женщинам. Например, он уверен в том, что....

Женщины любят только тех, которых не знают.¹²⁶

Но и это не совсем так. Во-первых, это взгляд нарциссической личности, почувствовав которую (или даже "узнав"), многие женщины стараются держаться от нее подальше. Во-вторых, это утверждение чаще всего относится к женщинам с негативным материнским и позитивным отцовским комплексом, который сначала проецируется на мужчину, которого женщина не знает, и тогда она какое-то время "любит" свою проекцию. Когда проекция исчезает, женщина как бы хорошо "узнает" мужчину, перестает его "любить", и тогда у нее происходит отыгрывание негативного материнского комплекса с отвержением бывшего "любимого". Это довольно простое, но хорошо понятное объяснение утверждения Григория Александровича на языке аналитической психологии.

Зато Печорин, по его словам, наоборот, очень хорошо знает женщин:

Женщины должны были бы желать, чтобы все мужчины их так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их в сто раз больше с тех пор, как их не боюсь и как постиг их мелкие слабости.¹²⁷

Что он о них "знает" с учетом его страшной психопатологии и как он этим пользуется, теперь знаем и мы, так что не буду повторяться, а просто приведу еще одну яркую иллюстрацию, углубляющую наши знания и возвращающие нас обратно — к началу этой статьи, а точнее, к этиологии ключевого для нас слова **герой**:

¹²⁵ Там же, с. 430.

¹²⁶ Там же, с. 428.

¹²⁷ Там же, с. 436.

С тех пор, как поэты пишут, а женщины их читают (за что им глубочайшая благодарность), их столько раз называли ангелами, что они в самом деле, в простоте душевной, поверили этому комплименту, забывая, что те же поэты за деньги величали Нерона **полубогом**.¹²⁸

И тогда, вспомнив, что с одной стороны, что герои — полубоги по определению, а с другой стороны, что только нарциссическая личность с манией величия может считать себя полубогом, мы можем совсем по иному посмотреть на название книги "Герой нашего времени" с точки зрения ее социального и исторического контекста. А посмотрев и осмыслив всю его глубину, можем сказать спасибо Лермонтову за его гениальность.

А теперь, подойдя совсем близко к концу статьи, вспомним о названии всей серии статей, то есть о так называемых "лишних людях", чтобы снова у Лермонтова найти страшный, пусть частичный, ответ об их психологическом предназначении:

Пробегаю в памяти все мое прошедшее, я спрашиваю себя невольно: зачем я жил? Для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала и было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе силы необъятные... Но я не угадал этого назначения... И столько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления...¹²⁹

Мало того, автор очень хорошо себе представляет, что эти слова Печорина могут относиться вообще к людям, которые оказываются "лишними" для общества:

...Тот, в чьей голове больше родилось идей, тот действует; от этого гений, прикованный к чиновничьему столу, должен умереть или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением, при сидячем образе жизни и скромном поведении, умирает от апоплексического удара.¹³⁰

И если этот ответ, пусть неполный и не очень внятный, хотя бы на какое-то время побудит задуматься над ним некоторых людей, в особенности людей, относящих себя к так называемым "творческим" профессиям, которые так увлечены человеческой психопатологией (то есть, нездоровьем и болью), что непременно хотят продемонстрировать это свое увлечение другим (будь то на сцене, на экране или в книге), значит, можно надеяться, что, несмотря на всю свою "волю и смелость, чтобы стать...", у них это, к счастью не получится. Может потому, что любовь к людям пересилит и эту паранойяльную волю, и нарциссическую смелость, вызываемую глубинным бессознательным страхом. И, наверное, тогда они смогут ответить на вопрос Печорина, который поставил и на который не дал ответа гениальный Лермонтов:

Думая о близкой и возможной смерти, я думаю об одном себе...Из жизненной бури я вынес несколько идей — и не одного чувства. Я давно уже живу не сердцем, а головою... Я взвешиваю, разбираю собственные страсти с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: **один живет в полном смысле этого слова,**

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же, с. 468.

¹³⁰ Там же, с. 444.

другой мыслит и судит его...Первый, быть может, простится с вами и миром навеки, **а второй... второй?..**¹³¹

А второй должен продолжать жить у нас внутри. Чтобы уберечь от лукавого героев **нашего** времени.

¹³¹ Там же, с. 470.

Литература:

- Мифы народов мира. Энциклопедия, М., СЭ, 1991;
- С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М. 1963;
- М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", Избр. собр. соч. в 2-х т., т. 2, М. Худ. Лит., 1963;
- Д. Хиллман. "Самоубийство и душа", М. "Когито-Центр", 2004;
- О. Кернберг. "[Отношения любви. Норма и патология](#)", "Класс", 2004;
- О. Кернберг. "[Агрессия при расстройствах личности](#)", "Класс", 1998;
- O. Kernberg, "Borderline Conditions and Pathological Narcissism", Jason Aronson Inc, NY, 1975;
- Thomas Moore, "Dark Eros. The Imagination of Sadism", Spring Publications Inc., 2003;
- David Shapiro, *Neurotic Styles*, NY, Basic Books, 1999.

Об авторе:

Валерий Мершавка - автор переводов книг:

- [Введение в юнгианскую терапию](#)
- [Комплекс Кассандры. Современный взгляд на истерию](#)
- [Кризис среднего возраста. Записки о выживании](#)
- [Психодрама: вдохновение и техника](#)
- [Сотворить свою жизнь. Поиски своего пути](#)
- [Страсть к совершенству. Юнгианское понимание зависимости](#)